

ТВОРЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ
ОБ АКТЕРЕ

У КАЖДОГО художника бывают такие минуты: прожитые годы вдруг остро напоминают о себе и заставляют думать о том, что еще не сделано и что непременно хотелось бы осуществить.

Поэтому не только радость, но и размышления о прошлом и предстоящем принесло Михаилу Альфредовичу Биберу известие о присуждении ему высокого звания заслуженного артиста РСФСР. И вместе с ним не могли не размышлять о творческой судьбе артиста и мы, почитатели его таланта.

Я знаю Михаила Альфредовича более двадцати лет. Впервые мне довелось увидеть его в спектакле «Старые друзья» на сцене новосибирского ТЮЗа. С того вечера мне и моим товарищам навсегда запомнился его Шура Зайцев, застенчивый, близорукий юноша, заглянувший, как и все мы, в лицо войне и выстоявший в годину испытаний. Таким был тогда, в 1946-м, Михаил Бибер — подобный своему герою, скромный и сдержанный в слове, с мягким юмором, с обаянием актерским и человеческим.

С тех пор промелькнули многие годы, Бибер сыграл десятки ролей, побывал в разных городах страны и затем вернулся в Новосибирск — на этот раз на сцену «Красного факела». Сегодня уже стало далеким воспоминанием то время, когда молодой артист покорила мальчишек и девчонок в роли стремительного, отчаянно-смелого Сергея Тюленина, восхитил не только юных, но и взрослых новосибирцев своими братьями-близнецами Дромио в «Комедии ошибок» Шекспира. Михаил Альфредович стал зрелым мастером, великолепно исполняющим характерные роли, в том числе и роли стариков. Но, вопреки фактам, мне почему-то видится в Бибере все тот же молодой актер, который когда-то был несколько старше Шуры Зайцева, а теперь кажется моложе тех, кого должен играть, — наверное, он смог пронести сквозь годы главное, что отличало его как актера с начала творческого пути: юношескую веру в жизнь и в людей, стремление быть нужным людям.

В самом деле, не подтверждается ли это его лучшей работой на новосибирской сцене — ролью Трепифайкса в «Забытом черте»? Этому сказочному персонажу, деревенскому черту, 840 лет, но сколько в нем поистине детской наивности и простодушия, какая доброта и доверчивость светится в его голубых глазах! А как пластичен, подвижен, выразителен в каждом движении этот человек... Нет, не человек, а именно черт, постепенно «очеловечивающийся». Надо иметь много душевного

тепла, оптимизма, молодой энергии, чтобы сыграть так Трепифайкса, а ведь Михаил Альфредович продолжает выступать в этой роли и сегодня.

Здесь, на наш взгляд, раскрываются самые сильные стороны актерского таланта Бибера — мастерство перевоплощения, неотразимый юмор, большое обаяние. И не только это, но и чувство меры в любом преувеличении, безукоризненный вкус, тонкий слух на правду. Неслучайно Михаил Альфредович завоевал признание в этой роли далеко за пределами Новосибирска — у саратовцев, горьковчан, москвичей на сцене Кремлевского театра.

Бесспорно, здесь «сработало» не только незаурядное дарование артиста, но и точное «попадание» роли в его творческую индивидуальность.

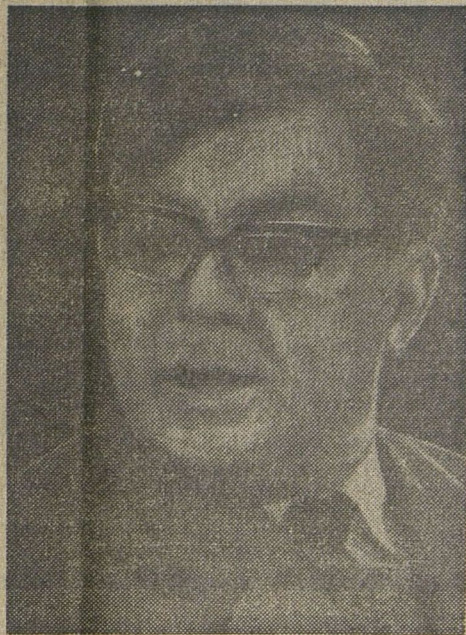
Но, возвращаясь к устаревшей точке зрения на амплуа, которое с неизбежностью порождало у актеров набор штампов, переходящих из спектакля в спектакль, мы, тем не менее, хотели бы подчеркнуть важность совпадения роли с наиболее сильными сторонами исполнителя, с его человеческими возможностями. Не следует, по-видимому, забывать общеизвестную истину, что актер — это не только творец, но и материал, из которого он творит. И материал этот должен органически ложиться на роль.

Как раз там, где это происходило, Михаил Альфредович играл с наибольшей раскованностью, с тем огромным удовольствием, которое принято называть «упоением» ролью. Навсегда останутся дороги артисту Сергей Тюленин и братья Дромио, Мальволио («Двенадцатая ночь» Шекспира) и Лыняев («Волки и овцы»). Ролями-спутниками Бибера на его многие годы стали Миша Бальзаминов и венецианский купец Панталоне (в комедии Гольдони «Лгун»). На краснофакельской сцене Бибер успешно сыграл Шмагу в «Без вины виноватых» Островского, Бублика в «Платоне Кречете» Корнейчука, Шварца в «Потерянном сыне» Арбузова и ряд других ролей.

Бублик и Шварц — достаточно назвать две эти роли, чтобы представить себе широту актерского диапазона Бибера — ведь трудно найти более противоположные характеры! В лице врача Терентия Бублика, прослушавшего на своем веку 90 тысяч сердец и отдавшего людям собственное сердце, Михаил Альфредович проявил свое умение создавать образы людей добрых, человеческих, кристально-чистых. Шварц — в исполнении Бибера — персонаж, в котором нельзя не почувствовать ненависти художника к современному бюрократу, к человеку, для которого, как ветер, пронесли революции и все общественные перемены века и который остался верен себе — своему эгоизму, своей пошлости, натуре игрока. Артист играет эту роль с неожиданными для него жесткими интонациями, с той гражданственностью, которой, может быть, противопоказана откровенная публицистичность, но которая выражена средствами иронии и злой насмешки.

Бибер — один из уже немногих представителей «старого» «Красного факела». Это не значит, что он принадлежит только прошлому: ему, как художнику, присуще такое качество, которое делает его всегда современным, — интеллигентность. Она проявляется в умении тонко уловить умонстроение публики, найти с нею нерасторжимый контакт, суметь по своему, нетрадиционно прочесть роль, выявив особый склад внутренней жизни героя и передав это средствами сегодняшнего искусства. Вспомним Шмагу. Ничего общего с клоуном, потешающим зрителей, — грустный, раздавленный и потому ломающийся. Не смешной, а печально — остроумный. Неповторимый. Как неповторим Трепифайкс.

Свою актерскую карьеру Бибер начал с

крика за сценой: «Да здравствует Отелло!» Но и сейчас, уже зрелый мастер, он готов играть роль с двумя-тремя репликами в спектакле «Как закалялась сталь». Михаил Альфредович всегда считал эпизодические роли хорошей школой мастерства: здесь требуется очень четко проработанный рисунок, максимальный лаконизм средств. И потому так высоко оценивали рецензенты некоторые небольшие роли, сыгранные Бибером, — такие, как помещик-либерал Горский («В дни первой бури» Дм. Щеглова), Михаил Иванович Калинин («Годы минувшие» Ветлугина), Сартков («Совесть» Павловой) и другие.

В творческом почерке Бибера чувствуется хорошая школа мастерства, которую он получил в юности. Первую любовь к театру пробудила его мать — талантливая актриса Елена Михайловна Негина. Позднее он учился у выдающихся мастеров сцены Юрьева и Певцова.

Последние две работы Бибера — руководящий в булгаковском «Беге» и Пимен в «Борисе Годунове». Роли сыграны с той достоверностью, которая всегда присуща артисту.

И все же эти роли, на наш взгляд, идут вразрез с наиболее сильными сторонами творческой индивидуальности Бибера. Его искусство, по-видимому, ярче всего проявляется в плане комедийном или трагикомическом. И хотя трудно театру советовать выбор репертуара, тем не менее хочется спросить: почему бы, имея в труппе такого незаурядного актера, не поставить, например, «Пучину» или «Лес» Островского, которые, кстати сказать, могли бы быть интересными и для других актеров? Мы легко представляем себе Бибера также в роли бравого солдата Швейка, Льва Гурьича Синичкина, тургеневского холостяка.

Сам Михаил Альфредович как-то сказал, что один из его любимых героев — Сильвестр Боннар. Если бы этот герой Анатолия Франса, чудаковатый и мудрый ученый, оказавшийся «преступником» в глазах неразумных и корыстных людей, смог стать одной из будущих ролей артиста! Тогда бы, верится, с большой тонкостью могли прозвучать юмор и ирония этого художника, неотделимые от его большого жизненного опыта и человечности.

Юрий ПОСТНОВ.

* * *

На снимках: М. А. Бибер в спектаклях «Тети и дяди» (вверху), «Забытый черт».

Фото В. Ахмеровој.